

На правах рукописи

Дербин Евгений Николаевич

**Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века
в дореволюционной отечественной историографии
и общественной мысли**

Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования
07.00.02 – отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск 2006

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Научный руководитель: кандидат исторических наук,
доцент **В.В. Пузанов**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор **В.Д. Камынин**
кандидат исторических наук,
доцент **С.А. Никонов**

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Защита состоится «___» ноября 2006 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.01 при ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, кор. 2, ауд. _____.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, кор. 2.

Автореферат разослан «___» октября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.и.н., доцент

Г.Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Вопрос об институте княжеской власти на Руси IX – начала XIII века является одним из ключевых в отечественной историографии, а на некоторых этапах и общественной мысли. От того или иного его решения зависит трактовка характеристики социально-политического строя Древней Руси, особенностей российской политической традиции. В этой связи особую значимость приобретают историографические исследования, позволяющие осмыслить и обобщить результаты накопленных научных исследований. Без этого невозможно дальнейшее полноценное изучение древнерусских политических и общественных институтов. Особое внимание требует дореволюционная отечественная историография и общественная мысль, переосмысление которых еще далеко не завершено, несмотря на их огромное влияние на развитие постсоветской исторической науки и общественного сознания.

Объектом исследования является процесс развития дореволюционной отечественной историографии и общественной мысли в связи с отражением в них проблемы власти древнерусских князей. Обращаясь к истории исторической науки, представляется целесообразным рассмотреть и историю общественной мысли, т.к. во-первых, они в значительной степени влияют друг на друга, а во-вторых, дают более целостную и всестороннюю картину изучения представленной проблемы.

Предмет исследования – институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века, как он представлен в дореволюционной отечественной историографии и общественной мысли. В его рассмотрение традиционно включается достаточно широкий круг историографических проблем: происхождение и эволюция княжеской власти; ее природа и характер, т.е. положение и значение в обществе и в системе политических органов; функции и объем власти древнерусских князей; ее преемственность или замещение; междукняжеские отношения.

Изучение такого сложного и важного института древнерусского государства и общества в историографии и общественной мысли, конечно же, невозможно без пристального внимания и к представлениям в целом об общественном и государственном строе Древней Руси.

Степень изученности проблемы. Проблематика, рассматриваемая в исследовании, частично нашла свое отражение в следующем комплексе работ. Во-первых, в общих трудах по истории дореволюционной исторической науки в России. Такие труды периодически начинают появляться с середины XIX века, когда идет складывание историографии в самостоятельную научную дисциплину¹. До этого времени она разрабатывалась эпизодически. Для данного исследования историографические очерки и обзоры исторической литературы, созданные в XVIII – первой половине XIX века, носят лишь справочно-библиографический интерес². Качественный скачок в деле разработки отечественной историографии произвели работы С.М. Соловьева. Дальнейшее систематическое исследование истории исторической науки производилось в лекционных курсах и отдельных трудах И.В. Лашнюкова, К.Н. Бестужева-Рюмина, М.О. Кояловича, В.С. Иконникова, В.О. Ключевского, Н.П. Загоскина, П.Н. Милюкова, Д.И. Багалея, М.В. Довнар-Запольского, А.С. Лаппо-Данилевского. В них были заложены основные представления об историографических направлениях, даны оценки крупнейшим историческим трудам по истории Древней Руси, выявлены концептуальные теории ведущих историков, в том числе и по проблеме княжеской власти. В свою очередь изучение истории русской общественной

¹ Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983.

² Колесник И.И. Развитие историографической мысли в России XVIII – первой половины XIX века. Днепропетровск, 1990; Она же. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Днепропетровск, 1993.

мысли в дореволюционной России также увенчалось созданием обобщающих трудов³. Они в известной степени дополняют историографические работы.

Системное исследование отечественной историографии и общественной мысли в советское и постсоветское время дало много нового как в общетеоретическом плане, так и в рассмотрении конкретных периодов, направлений или индивидуальных концепций историков. Проблеме института княжеской власти на Руси уделялось соответствующее внимание, когда речь касалась анализа основных трудов по древнерусской истории⁴. Вместе с этим накапливались общие представления об историографии вопроса, которые, несомненно, влияли на специальную историографическую литературу по истории Древней Руси.

Из историографических работ непосредственно посвященных древнерусской истории, необходимо выделить те, которые, так или иначе, затрагивают изучаемую проблему. Так, В.В. Пузановым достаточно полно рассмотрены вопросы княжеской собственности, хозяйства, торговли, доходов, как они представлены в дореволюционной отечественной историографии⁵. Поэтому данная проблематика практически не затрагивается

³ Довнар-Запольский М.В. Из истории общественных течений в России. Изд. 2-е, доп. Киев, 1910; Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. В 3 т. СПб.; М., 1914 – 1917. Т. 1 – 3; Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. В 3 т. М., 1997. Т. 1 – 3.

⁴ Пичета В.И. Введение в русскую историю (источники и историография). М., 1923; Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). М.; Л., 1933. Вып. 1 – 2; Он же. Борьба классов и русская историческая литература // Он же. Избр. произв. В 4 кн. М., 1967. Кн. 4. С. 277 – 368; Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.; Л., 1941; Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957; Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии (До конца XIX в.). Харьков, 1965; Очерки истории исторической науки в СССР / Гл. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1955. Т. 1; То же / Гл. ред. М.В. Нечкина. М., 1960. Т. 2; М., 1963. Т. 3; Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1; Л., 1965. Ч. 2; Л., 1971. Ч. 3; Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. М., 1961; То же. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1971; Иллерицкий В.Е. История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963; Он же. Революционная историческая мысль в России (Домарксистский период). М., 1974; Цамутали А.Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60 – 70-х годов XIX в. Л., 1971; Он же. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977; Он же. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978; Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1993; Михальченко С.И. Киевская школа: Очерки об историках. Брянск, 1994; Он же. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). М.; Брянск, 1996; Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998; Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000; Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003; и др.

⁵ Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X – XII вв. в отечественной историографии XVIII – начала XX в. Ижевск, 1995.

в диссертации, если только это не вызвано логикой изложения историографического материала. В монографии М.Б. Свердлова, посвященной изучению общественного строя Древней Руси в русской исторической науке, рассмотрены отдельные аспекты проблемы княжеской власти в связи с проблемой феодализма в отечественной историографии⁶. Систематизированный автором материал в своей основе помогает представить остроту борьбы различных точек зрения, но не дает полной картины по исследуемому вопросу. Это же касается историографических очерков К.А. Соловьева, в которых изучается проблема легитимации княжеской власти⁷.

Наиболее ощутимые результаты в деле историографической разработки института княжеской власти в Древней Руси были достигнуты во всевозможных введениях к собственно историческим сочинениям по древнерусской истории, а также в немногочисленных статьях, напрямую посвященных изучаемой проблеме. Несмотря на краткость и неполноту выводов, в них зачастую дается правильный акцент на главные направления в исследовании власти древнерусских князей в дореволюционной отечественной историографии и общественной мысли⁸. Вместе с тем, этот

⁶ Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII – XX веков. СПб., 1996.

⁷ Соловьев К.А. Потестарные отношения в Древней и Средневековой Руси IX – первой половины XV в. Историографические очерки. М., 1998.

⁸ Сонцов Д.П. Справочная книга для занимающихся удельным периодом русской истории. 1015 – 1238. М., 1869; Леонтович Ф.И. Задружно-общинный характер политического быта древней России // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. № 6. С. 201 – 224; Лимберт А. Предметы ведомства «Веча» в княжеский период древней России // Варшавские университетские известия. 1877. № 2. С. 47 – 119; № 3. С. 120 – 179; Русская история с древнейших времен до Смутного времени / Сб. ст. под ред. В.Н. Сторожева. М., 1898. Вып. 1. С. 1 – 8; Максимович Г.А. Литературные мнения о сущности государственных отношений древней Руси // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М.В. Довнар-Запольского. Изд. 2-е. М., 1910. Т. 1. С. 216 – 225; Багалеи Д.И. Русская история. М., 1914. Т. 1. С. 217 – 231; Сыромятников Б.И. Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти в России. М., 1913. С. 5 – 9; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. В 4 т. СПб., 2000. Т. 1. Возникновение и образование Русского государства. С. 425 – 436; Греков Б.Д. Киевская Русь. М.; Л., 1953. С. 277 – 292; Пузанов В.В. К вопросу о княжеской власти и государственном устройстве в Древней Руси в отечественной историографии // Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2. Древняя Русь: новые исследования / Под ред. И.В. Дубова, И.Я. Фроянова. С. 204 – 211; Толочко А.П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 5 – 10, 185 – 191; Королев А.С. История междукняжеских отношений на Руси в 40-е – 70-е годы X века. М., 2000. С. 3 – 29; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 46 – 65; Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 3 – 15; и др.

вопрос еще не становился предметом специальной работы и широко не рассматривался.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является выявление основных тенденций развития проблемы института княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии и общественной мысли. Задачи, стоящие на этом исследовательском пути, следующие:

- выявить и проанализировать литературу по рассматриваемому вопросу, установить главные этапы развития изучаемой проблемы в исторической науке и общественной мысли дореволюционного периода;

- провести анализ и систематизацию основных точек зрения на институт княжеской власти в Древней Руси, содержащихся в исторической литературе на каждом из выявленных этапов;

- рассмотреть общее и особенное в преемственности и поступательности развития исторической мысли по исследуемой проблеме; выявить то, что отбрасывалось каждым новым поколением историков из предшествующего изучения княжеской власти и что нового вносилось в данный вопрос, что влияло на этот процесс, что было наиболее спорным, вокруг чего возникали дискуссии;

- подвести общие итоги развития дореволюционной отечественной исторической науки и общественной мысли во взгляде на институт княжеской власти в домонгольской Руси и определить наиболее перспективные с точки зрения последующих изысканий достижения.

Хронологические рамки. Изучение института княжеской власти в Древней Руси в дореволюционной отечественной историографии и общественной мысли охватывает период с XVIII по начало XX века. Исходной точкой является эпоха становления исторической науки в России, «когда освободившаяся от провиденциализма историческая теория

соединяется со знанием исторических фактов»⁹. Конечной – переломная эпоха, связанная с революционным процессом 1917 года. В это время происходили существенные перемены, как в сфере методологии и философии истории, так и в организации научной деятельности, а также в приоритетных способах и областях исторического познания. Все это непосредственно повлияло на исторические представления и понятия, в том числе об институте княжеской власти в Древней Руси.

В работе выделяются следующие основные этапы в дореволюционной историографии по рассматриваемой проблеме:

1. XVIII – начало XIX века – время господства рационализма в методологии и философии истории; преобладание историков-любителей и деятелей, связанных с Академией наук (в большинстве своем, выходцев из-за границы); приоритет общих курсов по истории России, где главное внимание уделялось представителям верховной власти;

2. XIX – начало XX века – время господства классического идеализма и позитивизма; преобладание университетско-академической науки; приоритет монографических исследований, где, в большинстве своем, элемент политический и государственный в истории России имел первостепенное значение. Лишь в конце данного периода, с распространением экономического материализма возникает пристальное внимание к социально-экономической стороне исторического процесса.

Необходимо заметить, что данная периодизация, как всякая другая, достаточно условна и будет иметь дополнительные внутренние рубежи. Однако она вполне позволяет логически сгруппировать материал, отвечает обозначенным задачам и отражает смену общих взглядов, как в целом на историческое развитие России, так и на развитие института княжеской власти в Древней Руси, о чем соответственно пойдет речь в работе. К этому следует добавить еще то, что некая преемственность во взглядах отечественных

⁹ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). М., 1976. С. 3.

историков на каждом из историографических этапов достаточно очевидна, ибо научная база любых исследований основывается не на пустом месте.

Источниковая база исследования. Работа основана на широком комплексе историографических источников, накопленных отечественными историками. Это, прежде всего, научные труды в любой их форме (монографии, лекции, статьи, тезисы, выступления, рецензии, наброски) по исторической, историографической, источниковедческой, археологической тематике, так или иначе отражающими процесс изучения института княжеской власти в дореволюционный период. Одновременно, необходимым является использование работ по истории государства и права России, философии истории, обществоведению, экономике. При этом естественно, что основное внимание уделялось тем произведениям, которые оказали наибольшее влияние на разработку рассматриваемой проблемы или же представили оригинальные, своеобразные выводы. Взгляды авторов этих трудов составляют генеральную линию в ходе изложения историографического материала. Вместе с тем, и компилятивные работы крайне важны, как показатель распространенности определенных идей.

Кроме того, для репрезентативности исследования важным является любая общественно-политическая литература, содержащая необходимые данные для отражения изучаемого предмета в истории общественной мысли. Для полноты историографической картины учитывались также научно-популярная, биографическая, учебная, справочная и библиографическая литература.

Методология исследования. Основополагающим для данного исследования является хронологический метод. Это объясняется, главным образом, целью работы. В хронологическом изложении рассматривается движение научной мысли с точки зрения смены концепций, взглядов, идей в их периодической последовательности. Устанавливается цепь историографических фактов, как связанных генетически друг с другом, заимствованных, так и новых.

Выявление закономерностей развития и движения изучаемой проблемы в истории исторической науки и общественной мысли предполагает помимо хронологического метода использование в совокупности с ним и других, дополняющих его методов. В частности, таких как проблемно-хронологический метод, помогающий глубже понять, освоить особенности действия отдельных историографических фактов; метод периодизации, позволяющий обнаружить решающее направление развития научной мысли на каждом новом отрезке «историографического времени», выявить новые явления внутри действующих и выступающих им на смену историографических пластов. Для установления причинно-следственных связей, преемственности в историографии и общественной мысли применяется ретроспективный метод. Однако необходимо учитывать, что исторические работы прошлого принадлежат своей эпохе и несут на себе ее сильные и слабые стороны. Поэтому, чтобы не злоупотреблять в оценке их с точки зрения современных требований используется сравнительно-исторический метод. Для полноты историографической картины нельзя пройти мимо системного метода, который включает рассмотрение проблемы в системе со всеми составляющими историографию: особенности творчества историка, деятельность научных и учебных центров, периодическая печать и др. Наконец, методы перспективности и актуализации помогают определить перспективность некоторых изучаемых направлений и ценность определенных научных знаний для нынешнего и будущего времени¹⁰.

¹⁰ Для уяснения сущности и правильности применения данных методов были учтены теоретико-методологические разработки следующих авторов: Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Журов Ю.В. Проблемы методологии истории. Брянск, 1996; Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия. Тюмень, 1999; Они же. Историческая наука России в конце XX – начале XXI века. Тюмень, 2004; Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987; Иванов В.В. Методология исторической науки. М., 1985; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Коломийцев В.Ф. Методология истории (от источника к исследованию). М., 2001; Косолапов В.В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории. М., 1997; Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989; Петряев К.Д. Вопросы методологии исторической науки. Изд. 2-е, перераб. Киев, 1976; Прядеин В.С. Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания и методы исследования (историографический анализ). Екатеринбург, 1995; Санцевич А.В. Методика исторического исследования. Изд. 2-е, перераб., доп. Киев, 1990; Сахаров А.М. Методология истории и историография. М., 1981; и др.

Научная новизна работы состоит в том, что это первое комплексное исследование развития проблемы института княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии и общественной мысли. Использование разнообразных научных методов позволило осветить многие историографические факты, нуждающиеся в новом истолковании, оценить по-новому некоторые направления историографии княжеской власти в Древней Руси. Систематизированный материал и сделанные выводы впервые позволяют представить объемную картину изучаемой проблемы.

Практическая и научная значимость работы определяется возможностью использования ее основных положений и выводов при создании исторических и историографических исследований Древней Руси, обобщающих трудов по отечественной историографии и истории России, соответствующих учебных пособий, при разработке общих и специальных курсов в вузах и школах.

Апробация работы. Данное исследование обсуждалось на заседании кафедры дореволюционной отечественной истории Удмуртского государственного университета. Основные положения и результаты работы были представлены в публикациях и докладах на международных, всероссийских и региональных научных конференциях: 4-я Российская университетско-академическая научно-практическая конференция (г. Ижевск, УдГУ, апрель 1999 г.); 5-я Российская университетско-академическая научно-практическая конференция (г. Ижевск, УдГУ, апрель 2001 г.); 6-я Российская университетско-академическая научно-практическая конференция (г. Ижевск, УдГУ, ноябрь 2003 г.); 7-я научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию г. Ижевска (г. Ижевск, УдГУ, май 2005 г.); «Этносоциальное и этнокультурное развитие Киевской Руси и славянский мир» (г. Киев, май 2005 г.); Международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы функционирования родных языков», посвященная 85-летию

государственности Удмуртской Республики (г. Ижевск, УдГУ, октябрь 2005 г.); 4-я научно-практическая конференция, посвященная памяти К.И. Шибанова – «Шибановские чтения» (г. Ижевск, ИжГСХА, июнь 2006 г.); Российская научно-практическая конференция «Общественно-политическая мысль России: традиции и новации» (г. Ижевск, УдГУ, октябрь 2006 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, освещается степень ее изученности, характеризуются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, определяются хронологические рамки, дается обзор источниковой и методологической базы, показывается научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава – *«Институт княжеской власти в домонгольской Руси в отечественной историографии и общественной мысли XVIII – начала XIX века»*, состоит из двух параграфов.

В первом параграфе рассматриваются представления об институте княжеской власти на Руси в исторической науке и общественной мысли первой половины XVIII века. В этот период происходит становление исторической науки в России. Но если в первую четверть XVIII века история только высвобождалась от влияния средневековых построений, то во вторую четверть столетия, усилиями В.Н. Татищева и историков, связанных с Академией наук, удалось соединить новую историческую теорию рационализма с научной разработкой отечественной истории. При анализе точек зрения А.И. Манкиева, В.Н. Татищева, Т.Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера, П.Н. Крекшина, М.В. Ломоносова, В.К. Тредьяковского на институт княжеской власти в Древней Руси, содержащихся как в исторических, так и в

ряде общественно-политических работ, обнаруживается общая тенденция. Данный институт связывался исследователями с развитием монархии на Руси. Эта тенденция объясняется целым рядом причин: и уровнем исторической науки, и общественным сознанием той эпохи, и личными качествами исследователей, работы которых отличались прагматизмом, модернизацией прошлого, не разработанностью понятийного аппарата, главным вниманием к деятельности правителей.

Во втором параграфе рассматривается проблема княжеской власти на Руси в историографии и общественной мысли второй половины XVIII – начала XIX века. Указанный период связан с эпохой Просвещения в России. Характерные для этого общеевропейского явления процессы глобализации и модернизации, пропаганды знаний и распространения образованности, секуляризма и утилитаризма во взглядах на общество и государство, стремления к эмансипации культуры, связь с идеями новейшей философской мысли, прежде всего, французской, не могли не сказаться на развитии исторической науки и активизации общественной мысли. Растет интерес к собиранию, публикации и толкованию исторических источников. Расширяется проблематика исторических сочинений. Увеличивается само их количество. Появляются разнообразные общественно-политические труды. Однако историческая теория по-прежнему развивается в рамках рационализма и монархической концепции истории России. Так в трудах виднейших историков и общественных деятелей этого времени в основном дополняется, обростаёт своеобразными подробностями и разными вариациями общая схема, разработанная В.Н. Татищевым и получившая официальное признание.

Проанализировав взгляды М.В. Ломоносова, Ф.А. Эмина, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, И.П. Елагина, М.Н. Муравьева, А.Н. Радищева, А.Л. Шлецера, М.М. Сперанского, Н.М. Карамзина и других исследователей по изучаемой проблеме, замечается следующее: несмотря на то, что сохраняется общее представление о монархической природе княжеской

власти, появляются отдельные работы, в которых высказывается точка зрения об участии в правительственной деятельности на Руси не только князя, но и знати с народом. Впервые об этом заявил И.Н. Болтин (1788 г.). Его поддержали И.П. Елагин и Н.М. Карамзин. Впрочем, если их определение реального характера власти древнерусских князей, как ограниченной, еще не выходило за рамки общей монархической тенденции, то не так обстояло дело с взглядом известного литератора и мыслителя А.Н. Радищева. Он прямо опровергал тезис об исконности самодержавия в Древней Руси, возвеличивал народоправство и считал последующий деспотизм княжеской власти нарушением естественного права и общественного договора.

В заключении главы систематизируются представления отечественных исследователей XVIII – начала XIX века на отдельные составляющие проблему княжеской власти в Древней Руси:

1. Институт княжеской власти в Древней Руси происхождение свое ведет от власти «доисторических» князей восточнославянских племен. Причем властные полномочия этих князей выводятся из отеческой власти в семье и роде. Данной точки зрения, впервые установленной В.Н. Татищевым, в той или иной степени придерживались все историки XVIII – начала XIX века. Разногласия возникали при определении конкретного характера власти первоначальных князей. Одни писали о ее неограниченности, самовластии, монархизме (В.Н. Татищев, В.К. Тредьяковский, Ф.А. Эмин и др.). Вторые видели в условиях господства в древности народовластия ограниченность княжеской власти (М.В. Ломоносов, И.П. Елагин, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин и др.). Третьи либо смешивали, либо упоминали об одновременном бытовании у славян монархической власти князей на юге древней России и отсутствии таковой на севере, в демократичном Новгороде, а также отмечали участие в правлении знати (А.И. Манкиев, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин и др.).

2. Дальнейшее развитие княжеской власти на Руси IX – начала XIII века связывалось историками со становлением монархии при Рюрике и ее последующим упадком после образования удельных княжеств и вольных городов. Причем если разногласия по-прежнему касались в основном определения конкретного положения и значения княжеской власти в обществе, среди других политических органов, то функции и объем этой власти представлялись историкам раз и навсегда неизменными. Князья обладали верховной законодательной и судебной властью, руководили администрацией, возглавляли войско, занимались внешней политикой и налоговой системой. Неограниченность их полномочий (за исключением севернорусских народоправств) отмечали А.И. Манкиев, В.Н. Татищев, Т.Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, М.В. Ломоносов, Ф.А. Эмин, М.М. Щербатов, А.Л. Шлецер и др. Об участии в государственных делах народа и знати писали И.Н. Болтин, И.П. Елагин, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин и др.

3. При рассмотрении вопроса о наследовании княжеской власти в домонгольской Руси историки XVIII – начала XIX века сходились во мнении об одновременном существовании разнообразных способов: по старшинству в роде, с помощью завещания, договоров или силы, по определению народа. Однако если некоторые исследователи старались обосновать один из ведущих принципов в преемственности княжеской власти, как например М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин родовое старшинство, а другие принципы считали лишь его нарушением, то, к примеру, И.Н. Болтин отрицал всякую определенность в замещении княжеских столов.

4. Та же тенденция наблюдается в вопросе о междукняжеских отношениях. Признавая на начальном этапе существования единовластия зависимость удельных князей от великокняжеской власти, историки единодушно считали, что в период раздробленности, при спорном праве наследства, вызывавшем междоусобия, и равенстве князей, междукняжеские споры решались с помощью силы. При этом отдельные историки, сопоставлявшие историю Древней Руси и западноевропейских стран,

находили общую аналогию феодального правления в то время и полагали, что феодальные отношения между князьями строились на вассально-иерархических связях (И.Н. Болтин, И.П. Елагин, М.Н. Муравьев, А.Л. Шлецер, М.М. Сперанский, Н.М. Карамзин и др.).

Все вышеозначенные точки зрения получили развитие и в последующей отечественной историографии и общественной мысли.

Вторая глава – *«Институт княжеской власти в Древней Руси в отечественной историографии и общественной мысли XIX – начала XX века»*, состоит из трех параграфов.

В первом параграфе анализируются концепции развития княжеской власти на Руси в отечественных исследованиях 20 – 30-х годов XIX века. Своеобразие этого периода заключается в общей связи с эпохой романтизма, которая явилась реакцией на предшествующую эпоху Просвещения. Как явление духовной культуры романтизм противопоставил утилитаризму и нивелированию личности устремленность к безграничной свободе, жажду совершенства и обновления, пафос личной и гражданской независимости. Для него характерны интерес к национальному прошлому, его своеобразие, идеализация форм народного быта и одновременно стремление создать универсальную картину мира, основанную на принципах борьбы, поступательного развития, циклического времени, прогресса. Абстрактно-метафизический критерий общественных явлений заменялся конкретно-историческим. Диалектический подход, выраженный в философии Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, оказавших огромное влияние на отечественную историографию и общественную мысль второй четверти XIX века, обнаружил собой новый взгляд на исторический процесс.

В рамках «романтического» направления было выработано несколько концепций развития института княжеской власти в Древней Руси. На начальном этапе, так или иначе, они были связаны с критикой «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Первыми, кто выступил с романтических позиций против монархической концепции официального

историографа, были декабристы. Романтически идеализируя государственное устройство Древней Руси, восторгаясь царившим в ней народоправством, особенно в вольных городах, они стремились увидеть в древнерусском вече зачатки гражданской свободы, приводящие к процветанию народа. Точку зрения декабристов поддерживали польские историки и общественные деятели (З.Я. Доленга-Ходаковский, И.Б. Раковецкий, И. Лелевель), для которых вопросы древнего политического устройства славян выступали так же как политическая проблема, связанная со стоявшими перед ними общими задачами их национального освобождения.

Другой критик Н.М. Карамзина, известный писатель и журналист Н.А. Полевой попытался по-новому пересмотреть русскую историю. Вооружившись новейшими западноевропейскими историософскими теориями, он создал «Историю русского народа», которую противопоставил истории государей Н.М. Карамзина. Предложенная им схема позволила по иному, чем прежде взглянуть на институт княжеской власти в Древней Руси, проследить его развитие от простейших форм к более сложным. Из патриархальной власти, после завоевания славян варягами, княжеская власть становится дружинной. Права и обязанности ее определялись пришельцами, образовавшими ряд княжеств. Внутри них князь был полным властелином, деля свою власть лишь со своей дружиной. Данное положение Н.А. Полевой именовал «норманским феодализмом». После же закрепления одной княжеской династии, под влиянием славянских обычаев и христианства, князь становится уже главой не разрозненных княжеств, а семейного союза князей, старшим в роде, с проистекавшими отсюда правами и отношениями. Этот этап в развитии института княжеской власти историк называл «семейным феодализмом», при котором устанавливается система уделов. Власть удельных князей была всеобъемлющей. Исключительное положение, как и многие другие исследователи, Н.А. Полевой отводил Новгородской республике, где князь был всего лишь в числе важных совещателей на вече, избиравшем его, и военный руководитель, которому платили в жалованье

часть государственных доходов. Но в дальнейшем княжеская власть только усиливалась. Таким образом, Н.А. Полевой одним из первых выразил мысль о непрерывном процессе поступательного развития и совершенствования данного политического института.

Проблема княжеской власти, связывавшаяся Н.А. Полевым с проблемой феодализма, как показатель схожести исторического развития России и Западной Европы в древности, встретила возражения со стороны М.П. Погодина. В ряде своих научных и публицистических работ 1830-х гг. он стремился обосновать положения, ставшие одними из основ теории «официальной народности». Она строилась на представлении об особом характере российской истории в сравнении с европейской в духе уваровской триады «самодержавие, православие, народность». Поэтому М.П. Погодин, в противоположность Н.А. Полевому, указывал на добровольное призвание варяжских князей, которое привело к полному согласию и признанию самодержавной власти местным населением, сохранившем, однако, значительное самоуправление и патриархальную свободу.

В это же время на отечественную историографию и общественную мысль оказывала влияние «скептическая школа», во главе которой стоял М.Т. Каченовский. Скептицизм в отношении достоверности древнерусских источников привел М.Т. Каченовского, под влиянием новейших романтических теорий, в частности немецкого историка античности Б.Г. Нибура о «баснословном периоде» в истории, к утверждению о более позднем появлении у нас летописей и законодательных памятников. Отрицая в принципе реальность первых летописных князей до Игоря, скептики поддерживали идеи о примитивности княжеской власти в Древней Руси. Считали, что до XII века князья, покорив своей власти славянские племена, занимались лишь разбоями и грабежами.

В 1820 – 1830-е годы происходит зарождение и нового научного направления, получившего название «государственная школа». У его истоков стояли историки русского права из Дерптского университета (И.Ф.Г. Эверс,

А.М.Ф. Рейц, И.Г. Нейман, Э.С. Тобин), которые разработали «теорию родового быта» о постепенном переходе из патриархального состояния общества в государство. При этом они установили, что родовые отношения, основанные на самой природе, долго еще сохраняются в новообразованном государстве, особенно в княжеской среде. Отсюда князья смотрели на государство, как на родовое имущество, производя родовые разделы и управляя своими подданными, как своей большой семьей, на основе древних обычаев. С дальнейшим развитием государственных отношений родовые исчезали, им на смену приходило понятие о единовластии, княжеская власть приобретала неограниченный характер. Отличие составлял лишь вольный Новгород, с его гражданским правом.

Таким образом, в 1820 – 1830-е годы в отечественной историографии и общественной мысли благодаря романтическому подходу к истории возникли различные концепции развития княжеской власти в Древней Руси. От откровенно республиканских взглядов декабристов и польских радикалов до официозных историков, стремившихся представить особый исторический путь России на началах формирующейся теории «официальной народности». В то же время княжескую власть начинают рассматривать как институт, эволюционирующий на протяжении древнерусской истории от простейших форм к более сложным (Н.А. Полевой, И.Ф.Г. Эверс и др.), что позволяло значительно расширить подходы историков к изучаемой проблеме.

Второй параграф посвящен изучению власти древнерусских князей в историографии и общественной мысли середины – второй половины XIX века. Рассматриваемый период – это качественно новый этап в развитии отечественной исторической науки, связанный с ее общим подъемом в условиях университетско-академической направленности и деятельностью различных общественных групп (консервативных, либеральных, демократических). Предреформенное время и эпоха великих реформ 1860-х – 70-х годов способствовали поиску основополагающих начал отечественной истории, а расширение источниковой и методологической базы исследований

позволило создать разнообразные концепции исторического прошлого России. Изучение власти древнерусских князей в этих условиях приобретало повышенную дискуссионность.

Первыми, кто сформировал свою позицию по этому вопросу, были историки консервативного (официального, охранительного) направления. Среди них ведущее значение принадлежало М.П. Погодину, профессору кафедры русской истории в Московском университете. Его взгляды продолжали развиваться в русле теории «официальной народности», окончательно сформулированной графом С.С. Уваровым в 1843 году. Акцентируя внимание на факте призвания княжеской власти в начале отечественной истории, М.П. Погодин стремился противопоставить его процессу завоевания на Западе. Исходя из этого, строилась монархическая концепция, по которой верховный характер княжеской власти обосновывался согласием местного населения, его неспособностью обойтись без князя и христианскими традициями, привнесенными из Византии. Взглядам М.П. Погодина соответствовала точка зрения другого известного историка консервативного направления, профессора Санкт-Петербургского университета Н.Г. Устрялова, автора первого официально утвержденного печатного курса лекций по отечественной истории для университетов. Кроме того, эта концепция, корректируемая в зависимости от развития исторической науки, нашла широкое распространение в общественно-политической, научно-популярной и учебной литературе второй половины XIX века.

В либеральной историографии и общественной мысли середины – второй половины XIX века, объединявшей большинство профессиональных историков и юристов, изучение власти древнерусских князей осуществлялось через призму разнообразных теорий социально-политического быта Древней Руси: общинная (А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Киреевские, К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, И.Д. Беляев, В.Н. Лешков и др.), родовая (С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, А.И. Никитский и др.), договорная (Б.Н. Чичерин,

В.И. Сергеевич и др.), федеративная (Н.И. Костомаров и др.), задружно-общинная (Ф.И. Леонтович и др.) и их модификации. Причем наиболее распространенной вариацией выступала теория земско-вечевого или общинно-вечевого строя, в которой, ведущее значение в социально-политическом развитии Руси придавалось землям-волостям во главе со старшими городами, общинному, земскому самоуправлению и вечу. Княжеская власть, согласно этой точке зрения, могла осуществлять свои законодательные, судебные, административные и военные функции лишь в единении с «миром». При этом некоторые исследователи, обнаруживая в Древней Руси союзы общинных городов, сравнивали их с античными полисами (А.И. Никитский, М.Д. Затыркевич, И.Е. Забелин).

Напротив, для демократической историографии и общественной мысли, несмотря на разнообразие конкретно-исторических взглядов, которые историки-демократы по большей части заимствовали у либеральных историков, было характерно стремление к изображению антагонизма между княжеской властью и народом в Древней Руси (А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, А.П. Щапов, Н.Я. Аристов, Г.З. Елисеев, Н.В. Шелгунов, И.Г. Прыжов, С.С. Шашков, И.А. Худяков и др.).

Таким образом, можно констатировать, что изучение власти древнерусских князей в историографии и общественной мысли середины – второй половины XIX века проходило в упорной борьбе трех основных направлений, представляющих различные подходы к пониманию процессов исторического развития (консервативный, либеральный, демократический). Многообразие высказанных при этом теорий социально-политического развития Древней Руси значительно расширило диапазон взглядов на проблему княжеской власти. Кроме того, ее всестороннему изучению способствовало появление первых специализированных монографий (С.М. Соловьева, В.И. Сергеевича и др.).

В третьем параграфе прослеживаются тенденции развития рассматриваемой проблемы в отечественной историографии и общественной

мысли конца XIX – начала XX века – периода наивысшего расцвета и исторической науки, и общественной мысли дореволюционного времени. Дифференциация истории, как науки в этот период и в методологии, и в проблематике, и в организационных формах, и в общественной позиции ученых достигла того уровня, который привел к формированию особых научных школ, складывавшихся преимущественно в университетских центрах. Ведущее место занимали те из них, которые были связаны с центральными вузами страны. Так московская историческая школа была представлена крупнейшим историком того времени В.О. Ключевским и его учениками (П.Н. Милюков, М.К. Любавский, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, Н.А. Рожков, М.Н. Покровский, Ю.В. Готье, В.И. Пичета и др.). В.О. Ключевский с одной стороны сохранял основные принципы концепции С.М. Соловьева, а с другой вносил новый подход, ориентированный на социально-экономические факторы исторического процесса. Применительно к проблеме института княжеской власти на Руси это выражалось в том, что он отмечал, подобно С.М. Соловьеву, нераздельное владение всей Русской землей княжеским родом Рюриковичей «по известному порядку», т.е. «лествичному восхождению» князей, когда каждый князь был лишь временным держателем той или другой волости. В то же время В.О. Ключевский, исходя из предложенной им «торговой теории» генезиса восточнославянской государственности, придавал большое значение связи князя и его дружины с внешней торговлей и развитием городов.

Представители петербургской школы историков России, возглавляемой выдающимся исследователем Смутного времени С.Ф. Платоновым, также стремились представить новые взгляды на изучаемую проблему. В частности, А.Е. Пресняков, не соглашаясь с характеристиками княжеского владения Русью X – XII веков выдвинутыми С.М. Соловьевым (родовая теория) и В.И. Сергеевичем (договорная теория), считал, что князья Рюриковичи осуществляли владение страной в соответствии с принципами

большой нераздельной семьи. Право на княжение в каждой волости приобреталось, прежде всего, наследованием по отцу, по семейному, отчинному праву. Поэтому и раздробление Киевского государства он связывал, главным образом, с семейно-отчинным правом, предусматривавшим раздел отцовского имущества между сыновьями. Вместе с тем вслед за В.И. Сергеевичем А.Е. Пресняков признавал, что князь, опираясь на свое «одиначество» с вечевой общиной, скрепленное взаимным крестоцелованием и рядом, есть «народная власть», так как народ, а не дружина составлял главную силу князей.

В Киевском университете в конце XIX – начале XX века сформировалась школа В.Б. Антоновича, которую объединяло общее направление монографического изучения отдельных древнерусских земель, единая методология и концепция (Н.П. Дашкевич, И.А. Линниченко, П.В. Голубовский, Д.И. Багалея, Н.В. Молчановский, В.Г. Ляскоронский, А.М. Андрияшев, П.А. Иванов, М.С. Грушевский, М.В. Довнар-Запольский, В.Е. Данилевич и А.С. Грушевский). В основу исторических взглядов киевских историков легли представления Н.И. Костомарова, обращавшего пристальное внимание на этнографические аспекты истории. Поэтому они исходили, прежде всего, из племенной специфики зарождения и развития княжеской власти на Руси.

В Киевском университете сложилась также юридическая школа М.Ф. Владимирского-Буданова, изучавшая историю западно-русского права (М.Н. Ясинский, Г.В. Демченко, А.Я. Шпаков, Н.А. Максимейко, И.А. Малиновский). М.Ф. Владимирский-Буданов, по сути, впервые дал полное обоснование теории земско-вечевого устройства Древней Руси, находя в основе древнерусской государственности не племенное, а территориальное начало. Выделяя тройственность верховной власти на Руси (князь, боярская дума и вече), он все же отмечал, что внутренние связи русского государства-земли опирались не на княжескую власть, а на власть старшего города и его веча.

Что касается провинциальных университетских центров России, то их развитие было тесно связано с ведущими научными школами Москвы, Санкт-Петербурга и Киева. В возникавших дочерних исторических школах точка зрения на институт княжеской власти в Древней Руси была либо продолжением означенных выше, либо эклектически соединяла несколько взглядов. Это же относится и к представителям историко-правовой науки.

В общественной мысли конца XIX – начала XX века продолжалось противостояние консервативного, либерального и демократического направлений. Но и здесь взгляды мыслителей по рассматриваемой проблеме существенно продвинулись вперед. Если консервативные и либеральные деятели стремились соотнести свои представления о княжеской власти в Древней Руси с конкретными достижениями историков, то отдельные представители радикальных учений все больше внимание обращали на марксизм. В частности, В.И. Ленин, исходя из абстрактной теории марксизма об общественно-экономических формациях и классовой борьбе, пришел к выводу о существовании феодализма на Руси. После победы большевиков в революционном движении на основе марксистско-ленинской теории возникнет новая историческая наука, в которой вопрос об институте княжеской власти на Руси IX – начала XIII века будет идеологически решаться именно через призму феодальных отношений. Однако это не исключит и других подходов к проблеме власти древнерусских князей.

Таким образом, в отечественной историографии и общественной мысли конца XIX – начала XX века появились новые взгляды на институт княжеской власти в Древней Руси, которые в основном были связаны с концептуальными разработками той или иной исторической школы и отдельных ее представителей.

В заключении главы систематизируются точки зрения отечественных исследователей XIX – начала XX века на отдельные аспекты рассматриваемой проблемы:

1. Происхождение института княжеской власти на Руси связывалась одними исследователями с всеобъемлющей властью родовых старейшин (И.Ф.Г. Эверс, А.М.Ф. Рейц, Н.А. Полевой, М.М. Сперанский, С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, М.М. Михайлов, А.И. Никитский, Н.И. Хлебников, М.Д. Затыркевич, И.Е. Забелин и др.), вторыми – с властью выборных вождей общин, ограниченных вечем (К.С. Аксаков, Ф.И. Леонтович, И.И. Дитятин, И.А. Линниченко, Д.И. Багалеи, П.В. Голубовский, М.В. Довнар-Запольский, М.С. Грушевский, В.Е. Данилевич и др.), третьими – с одновременным существованием обоих вариантов или постепенной сменой власти родоначальника выборной властью общинных старейшин (А.Ф. Тюрин, И.Д. Беляев, М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.А. Максимейко, И.А. Малиновский и др.), четвертые не придавали особого значения этому вопросу в связи с приходом иноземных князей (Н.И. Костомаров, В.О. Ключевский и др.).

2. Княжеская власть, особенно с принятием Русью христианства, получает характер власти монархической, всеобъемлющей, высшей, но после раздробления русской земли она ослабела и могла ограничиваться народной волей (вечем) или властью бояр (особенно в Новгороде и Пскове). Так с некоторыми вариациями считали И.Ф.Г. Эверс, А.М.Ф. Рейц, Н.А. Полевой, Н.С. Арцыбашев, М.М. Сперанский, М.П. Погодин, Н.Г. Устрялов, С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, М.М. Михайлов, В.В. Пассек, Н.И. Хлебников, М.Д. Затыркевич, К.Н. Бестужев-Рюмин, Д.И. Иловайский, А. Лимберт, П.Н. Мрочек-Дроздовский, Л.А. Тихомиров, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов и др. Напротив, ряд историков указывал, что княжеская власть, при господстве в домонгольской Руси общинно-вечевого устройства, исполняла военные, законодательные и административно-судебные функции, осуществляемые на основе «ряда» с вечем и при его непосредственном контроле и участии в особо важных делах. Лишь с течением времени княжеская власть получает большее развитие на северо-востоке Руси, ограничивается властью бояр на юго-западе и народовластием на северо-

западе (И. Лелевель, А.Ф. Тюрин, И.Д. Беляев, В.Н. Лешков, И.В. Лашнюков, Н.И. Костомаров, Н.Д. Иванишев, А.П. Щапов, Н.Я. Аристов, Г.З. Елисеев, И.Г. Прыжов, И.А. Худяков, С.М. Шпилевский, В.И. Сергеевич, А.Д. Градовский, А.И. Никитский, Д.А. Корсаков, Ф.И. Леонтович, И.Е. Забелин, И.И. Дитятин, В.Б. Антонович, И.А. Линниченко, Д.И. Багалея, П.В. Голубовский, М.В. Довнар-Запольский, М.С. Грушевский, В.Е. Данилевич, М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.А. Максимейко, И.А. Малиновский, Н.П. Загоскин, Г.Г. Тельберг, М.А. Дьяконов, А.Н. Филиппов, Н.П. Павлов-Сильванский, А.Е. Пресняков и др.). Отдельные исследователи стремились абсолютизировать природу княжеской власти исключительно как монархическую (Д.Я. Самоквасов), аристократическую (Е.А. Белов) или демократическую (В.Н. Дьячан, С.А. Корф, Б.И. Сыромятников) на всем протяжении развития Древней Руси, за исключением северорусских народоправств.

3. Что касается вопроса о преемственности или замещении княжеской власти, то здесь мнения историков разделились следующим образом. Одни признавали какой-либо определенный порядок: преимущественное право родового старейшинства, исключая Новгород и Псков, где преобладало народное избрание (И.Ф.Г. Эверс, А.М.Ф. Рейц, Н.А. Полевой, Н.С. Арцыбашев, Н.А. Иванов, М.М. Сперанский, М.П. Погодин, Н.Г. Устрялов, С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов и др.), или передача власти в соответствии с семейным (отчинным) правом владения (А.Е. Пресняков), или действие права избрания народом (Н.И. Костомаров, Н.Я. Аристов и др.); вторые указывали на несколько ведущих способов (А.И. Никитский, Д.А. Корсаков, И.Е. Забелин, М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.А. Максимейко, И.А. Малиновский, Д.Я. Самоквасов и др.); третьи отмечали отсутствие четкой системы в наследовании княжеской власти (К.А. Неволин, А.Ф. Тюрин, И.Д. Беляев, В.Н. Лешков, В.И. Сергеевич, А.Д. Градовский, Н.И. Хлебников, М.Д. Затыркевич, Ф.И. Леонтович, К.Н. Бестужев-Рюмин, А. Лимберт, П.Н.

Мрочек-Дроздовский, И.И. Дитятин, М.А. Дьяконов, А.Н. Филиппов, И.А. Линниченко, Д.И. Багалея, П.В. Голубовский, М.В. Довнар-Запольский, М.С. Грушевский, В.Е. Данилевич и др.).

4. Схожая ситуация была представлена и в вопросе о междукняжеских отношениях. Здесь историки выдвигали на первый план либо точку зрения о зависимости князей от родового обычая (И.Ф.Г. Эверс, А.М.Ф. Рейц, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, И.В. Лашнюков, А.Д. Градовский, А.И. Никитский, Д.А. Корсаков, Д.И. Иловайский, П.Н. Мрочек-Дроздовский, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов и др.), либо о действиях их в согласии с договорами между собой (Н.С. Арцыбашев, К.А. Неволин, Б.Н. Чичерин, В.И. Сергеевич, Д.Я. Самоквасов и др.), либо о связи с семейными традициями (В.Н. Лешков, В.В. Пассек, Ф.И. Леонтович, Г.Ф. Блюменфельд, А.Е. Пресняков и др.), либо о влиянии на междукняжеские отношения интересов земель (К.С. Аксаков, Н.И. Костомаров, Н.Я. Аристов, В.Б. Антонович, И.А. Линниченко, Д.И. Багалея, П.В. Голубовский, М.В. Довнар-Запольский, М.С. Грушевский, В.Е. Данилевич, М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.А. Максимейко, И.А. Малиновский и др.), либо о не выработанности определенных механизмов и решении, в конечном счете, всех споров с помощью силы (М.Д. Затыркевич, К.Н. Бестужев-Рюмин, А. Лимберт и др.).

Приводя данные точки зрения, нельзя все же забывать, что многие исследователи, склоняясь в ту или иную сторону, в общем, расценивали положение княжеской власти неоднозначно при всей сложности и противоречивости социально-политической природы Древней Руси. Об этом заявляли в частности М.П. Погодин, Н.И. Костомаров, И.Е. Забелин, К.Н. Бестужев-Рюмин, Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов и др.

В заключении работы подведены основные итоги, определены наиболее продуктивные достижения исследователей в рассматриваемом вопросе, содержащиеся в дореволюционной отечественной историографии и общественной мысли, намечены задачи дальнейшего изучения проблемы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Дербин Е.Н. Характер княжеской власти в домонгольской Руси (IX – XIII вв.) в дореволюционной отечественной историографии // Тезисы докладов 4-й Российской университетско-академической научно-практической конференции / Отв. ред. В.А. Журавлев, С.С. Савинский. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999. Ч. 1. С. 30 – 31.
2. Дербин Е.Н. Характер княжеской власти в домонгольской Руси (IX – XIII вв.) в советской историографии // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции / Отв. ред. В.А. Журавлев, С.С. Савинский. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2001. Ч. 2. С. 20 – 22.
3. Дербин Е.Н. Институт княжеской власти в домонгольской Руси (IX – начала XIII вв.) в русской зарубежной историографии // Шестая Российская университетско-академическая научно-практическая конференция: Материалы докладов / Отв. ред. В.А. Журавлев. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2003. С. 57 – 58.
4. Дербин Е.Н. К вопросу об институте княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в отечественной историографии (середины 1930-х – первой половины 1950-х гг.) // Седьмая научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию г. Ижевска: Материалы конференции / Отв. ред. В.А. Журавлев. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2005. Ч. 1. С. 157 – 159.
5. Дербин Е.Н. И.Я. Фроянов и проблема института княжеской власти в Древней Руси // Исследования по русской истории и культуре. М.: Парад, 2006. С.
6. Дербин Е.Н. К вопросу об институте княжеской власти в Древней Руси в «романтической» историографии (1820 – 30-е гг.) // Удмуртия: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы функционирования родных языков», посвященной 85-летию государственности Удмуртской Республики. 25 – 28 октября 2005 г. Секция VII. / Отв. ред. Т.Ю. Луцина. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2006. С. 171 – 177.
7. Дербин Е.Н. Политический строй Древней Руси в контексте славянофильской теории самобытного развития восточных славян // Слов'янські обрії. Київ, 2006. Вип. 1. С. 445 – 453.